

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-3.9>

Шевцова Лариса Ивановна, Егорова Мария Анатольевна

ОБРАЗ РОССИИ В РОМАНЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА "ВАДИМ" В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКИХ РАЗМЫШЛЕНИЙ И. А. ИЛЬИНА

В статье раскрывается взгляд на роман М. Ю. Лермонтова "Вадим" в контексте философских размышлений И. А. Ильина, чьи труды получили широкое распространение в последние десятилетия. В фокусе внимания оказывается образ России в неоконченном юношеском романе писателя. Рассмотрение образа России предполагает понимание духовного аспекта национального мировосприятия, что удалось наиболее полно выразить И. А. Ильину. Таким образом, размышления русского философа о России, проиллюстрированные с помощью текстов русских литераторов, становятся базой для понимания повествовательной структуры романа "Вадим". Критические замечания И. А. Ильина помогают также более полному раскрытию особенностей формирования исторического художественного мышления Лермонтова на раннем этапе его творческого развития.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/12-3/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 12(90). Ч. 3. С. 466-469. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

PENANCE THEME IN “ASCETIC SERMON” BY SAINT IGNATIUS (BRYANCHANINOV)

Titkova Natal'ya Evgenievna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Branch) in Arzamas
nataly.arzamas@yandex.ru

The article analyses the peculiarities of interpreting penance theme in Saint Ignatius's (Bryanchaninov) sermons. The originality of the study is conditioned by the aspiration to examine the realization of penance theme at different levels of Bryanchaninov's artistic system: to reveal the semantic filling of this theme, to trace how its artistic interpretation fits with the Orthodox doctrine of salvation, how this theme is realized at the level of the imaginative system and in the sermon's architectonics. Analysing the homilies included in the “Ascetic Sermon” collection the researcher concludes that penance, being the key moral and ethical notion, is a meaningful dominant of sermons, is personified in the images of biblical personages and performs the function of the compositional centre: developing this conception throughout the sermon, the author elevates it to the status of the semantic nucleus of the sermon's spiritual theme.

Key words and phrases: sermon; homily; composition; exposition; architectonics; metaphor; prayer; penance theme; salvation doctrine; Saint Ignatius (Bryanchaninov).

УДК 8; 82-3

Дата поступления рукописи: 15.08.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-3.9>

В статье раскрывается взгляд на роман М. Ю. Лермонтова «Вадим» в контексте философских размышлений И. А. Ильина, чьи труды получили широкое распространение в последние десятилетия. В фокусе внимания оказывается образ России в неоконченном юношеском романе писателя. Рассмотрение образа России предполагает понимание духовного аспекта национального мировосприятия, что удалось наиболее полно выразить И. А. Ильину. Таким образом, размышления русского философа о России, проиллюстрированные с помощью текстов русских литераторов, становятся базой для понимания повествовательной структуры романа «Вадим». Критические замечания И. А. Ильина помогают также более полному раскрытию особенностей формирования исторического художественного мышления Лермонтова на раннем этапе его творческого развития.

Ключевые слова и фразы: М. Лермонтов; И. Ильин; герой; образ России; роман; традиция.

Шевцова Лариса Ивановна, д. филол. н., профессор
Московский государственный областной университет
larisashev@mail.ru

Егорова Мария Анатольевна
Школа «Эрудит», г. Москва
allogizm@gmail.com

**ОБРАЗ РОССИИ В РОМАНЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ВАДИМ»
В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКИХ РАЗМЫШЛЕНИЙ И. А. ИЛЬИНА**

Литературная критика и философия в двадцатом столетии фокусирует своё внимание на характеристике личности Лермонтова. Именно в начале века закрепляется миф о поэте, появившийся вследствие знаменитых статей Д. С. Мережковского и Вл. Соловьёва. Лермонтов рассматривается как поэт «демонического» склада. «Как факт исключительной принадлежности автора и героя к миру демоническому в лермонтоведении объясняется и проблема звуко- и словотворчества (“страшная жажда песнопенья”) Лермонтова» [6, с. 67].

Но одновременно в русском обществе возникает и потребность в формировании патриотического сознания на новом витке исторического, эстетического и философского развития, связанного с декларациями различных поэтических школ. В этой связи внимание к М. Ю. Лермонтову как раз и обусловлено стремлением разрушить стереотипы восприятия классиков и создать новые концепции прочтения их произведений, которые разрешили бы противоречия эпохи, дали опору новым эстетическим открытиям.

Одним из тех, кто по-новому представил наследие прошлого в своих трудах, стал И. А. Ильин. Труды философа и критика И. А. Ильина не просто открывают читателю новые грани талантов признанных классиков русской литературы, но, прежде всего, связывают их творчество с образом России. Какой Россия предстаёт в восприятии русских художников? Какой свет несёт она миру? Все эти вопросы, так или иначе, освещены в философии и критике Ильина в контексте национально-православного миропонимания, с религиозно-эстетической позиции. В одной из своих лекций «Поэзия и фольклор. Россия в русской поэзии» Ильин ставит «перед собой задачу – показать, как русская поэзия воспринимала Россию, – и что она о России выговаривала» [3, с. 188]. В поэтическом слове, по убеждению философа, наиболее ярко выражается («выговаривается» на эмоционально-образном уровне) глубинное ощущение родного.

Тоска по Родине становится стимулирующим чувством в анализе литературных явлений. Именно она сподвигла не только Ильина, но и его предшественников осознать своего рода «предметную» сторону России, её преимущества и особенности.

Первые примеры, иллюстрирующие любовь выдающегося философа к Отчизне, относятся к пейзажной лирике. Ильин обращается к произведениям И. С. Аксакова, Владимира Диксона, Ф. И. Тютчева и других художников слова. В этих рассуждениях нас привлекает тезис философа об эволюции художественного сознания в русской литературе. Движение художественности шло от первичного эстетического освоения русскими поэтами уникальной природы России до глубокого вывода о сакральной одухотворенной красоте природы, которую бережно хранит художественное слово. Своеобразный «духовный сад» [Там же, с. 170], по замечанию философа, который начинали «возделывать» романтики, в числе которых, как мы помним, был и М. Ю. Лермонтов.

М. Ю. Лермонтов, безусловно, как представитель писательского поколения середины XIX века широко использует картины природы в своем романе «Вадим». Природа играет, на первый взгляд, каноническую роль – является отражением душевного состояния героя. Такая пейзажная калька возникает во время бегства Юрия и Ольги от бунтующих крестьян или в XIII главе, когда описывается свидание влюбленных на реке.

Иное описание пейзажа, например, в IX главе. Главный герой «готов кинуться в объятия природы...» [5, с. 174], но «на дне этого удовольствия шевелится неизъяснимая грусть...» [Там же, с. 175]. Это противоречивое восприятие стихии природы. На первый взгляд, ощущая в «шуме родной реки» [Там же] что-то близкое для себя, воспринятое «с колыбельной песнью, рассказами старой няни» [Там же], душа главного героя наполняется светлым началом воспоминаний. Но у Вадима нет осознания своего единства с Родиной через природу. Вадим отвлекается на минуту от размышлений о своей мести. Его упоенность русской природой, на которую указывает Ильин, – всего лишь минутная ностальгия по дому, за которой следует новый виток ненависти. Даже звон колокольчика, завершающий картину размышлений Вадима и являющийся частью бытописательных картин России, не является чем-то родным, как в стихотворениях А. С. Пушкина.

В целом картины быта в романе не играют сколь-нибудь значительной роли. «Вадим» был первым прозаическим опытом Лермонтова. На тот момент реализм, который характеризуется важностью бытописания, только начинал свой путь в России. У Лермонтова бытовая среда – всего лишь неприметный фон, не отражающий в полной мере колорита эпохи, как это было принято в исторических романах того времени. Тем не менее бытовая среда используется в целях раскрытия характеров, в данном случае – характера Вадима. Мы знакомимся с условиями его воспитания, с семейными перипетиями, обострившими в герое чувство одиночества.

Элементы эпохи, а вместе с ней быта, не показывают, «как живая система русской культуры, как русский душевно-духовный уклад, уклад души, верно отразившийся во внешнем быту» [3, с. 170-171], может помочь герою справиться с тоской по дому, Родине. Происходит своего рода контрастное восприятие быта героем. Другими словами, в душе Вадима рождается раздражение при наблюдении за укладом жизни Паличных, жизнью окружающих.

Так, своего рода сатирической кульминацией становится эпизод, в котором Ольга поет песню по приказу Натальи Сергеевны, потакающей капризам мужа. Лермонтов рисует, на первый взгляд, картину, знакомую читателю и воспетую русскими литераторами: молодая девушка поет народную песню. Но, во-первых, самого текста песни нет, так как не важен духовный подтекст единения с Родиной. Во-вторых, сама ситуация показана как пародия: Ольгу заставляют «принарядиться в шелковый святощный сарафан...» [5, с. 164]. Это неуместно, так как начало событий не связано с зимними праздниками. Таким образом, автором подчеркивается внутренний духовный конфликт помещиков, которым чуждо подлинное народное начало Родины.

Россия воплощается не только в природе и «внешнем быту», но и в языке. «Язык народа есть как бы художественная риза его души и его духа» [3, с. 173]. Это утверждение Ильина как нельзя лучше указывает на особую роль языка в литературном творчестве, в том числе в произведениях Лермонтова. Язык лермонтовских произведений стал самобытным явлением. В период работы над романом юный поэт еще не имел прозаического опыта. Формирование прозаического стиля Лермонтова шло в период господства прозы Марлинского в русской литературе. Романтическая лексика, с установкой на витиеватость, вычурность и своего рода помпезность, влетала в сложные синтаксические конструкции. Вышеперечисленное составляло основные признаки «марлинизмов» [2, с. 672], которые отдельные ученые усматривали и в романе «Вадим» (С. М. Петров, А. В. Федоров).

В аспекте рассуждений Ильина важно, что уже на раннем этапе своего творческого пути Лермонтов, как прозаик, смог уловить самую ценную черту родного языка. Это, по словам Ильина, «способ выговаривать, выпевать свою душу; это соборное орудие национальной культуры...» [3, с. 173]. Философ фокусирует свои рассуждения на поэзии. Но они верны и в отношении прозы поэта.

Лермонтов, не чуждый общим тенденциям романтизма при изображении пейзажа, усиливает, однако, эмоциональную глубину картин природы. Через образы природы Лермонтов проводит идею истинной, духовной свободы человека. Заметим, что философия свободы, воспетая русскими поэтами и прозаиками (в данном случае – Лермонтовым), также рассматривается Ильиным через призму природы, которая является основой «нашего русского свободолюбия и нашей истовой естественности – эта же стихия учит нас искони братству, социальности, взаимопомощи – этим первым основам христианства, этой азбуке любви» [Там же, с. 186]. Именно природа и народная поэзия становятся синкретичными явлениями во фрагментах юношеского романа Лермонтова.

В главе XIV описывается, как едет Вадим «густым лесом» [5, с. 189], но не воспринимает красоты природы, ее бесконечности, свободы. Лирическим аккомпанементом выступает в указанном эпизоде казачья

вольная песня [Там же, с. 190]. Данная фольклорная песня является олицетворением русского народа, которому всегда были свойственны стремления к свободе и осмысленному труду на лоне природы.

В аспекте рассуждений Ильина это одна из показательных деталей воплощения народности, возможности почувствовать певучесть русского языка в поэтической интерпретации, а следовательно, увидеть настоящую Россию. Природа же предваряет поэтический фрагмент, становясь лирической экспозицией.

Песня несет в себе идею вольности. Лирический фрагмент становится антиподом «тончайшему движению души» [3, с. 174] главного героя, как и вся картина, которая предстает перед Вадимом. Вадим не видит Божественного начала в природе, которая является эталоном свободы. Песня казака усиливает этот момент отчужденности главного героя от истинных, духовных ценностей человека, о которых говорит Ильин. Философ в своих рассуждениях указывает на то, что «поэзия... есть голос самой России – есть... ее живой стон» [Там же, с. 171]. Фольклорная поэзия как нельзя лучше подтверждает слова русского мыслителя об образе вольной России.

Во второй лекции Ильин, продолжая рассуждать о русской литературе, напоминает о судьбе России, которая пережила разного рода внутренние конфликты и нападения иноземных врагов. Поэзия, как проявление души русской, стала художественной калькой происходящих событий.

Важно в понимании философа то, что образ России духовно не статичен в литературе. Это происходит благодаря многогранному эмоциональному и философскому восприятию Родины: «С самого рождения своего русская поэзия, этот всенародный голос русской души, созерцала события русской истории и судьбу России в целом с чувством трепетной страстной любви, – то тревоги, то горести, то ликования и гордости» [Там же, с. 189]. Так рождается образ России-тройки, России-матери, России-защитницы, роковой России, вольной России, независимой России, самоотверженной (жертвенной) России и, конечно, духовной России.

Это рассуждение важно в контексте романа Лермонтова, так как центробежной силой сюжета оказывается восстание Пугачева. Об информационных источниках юного писателя при создании романа говорилось не раз в научной литературе (В. А. Мануйлов, М. М. Уманская, И. Л. Андроников). По мере развития романа исторический пласт становится весомее: систематически упоминается имя Бороды, близкого соратника Пугачева, чаще звучит имя самого предводителя восстания.

Но восстание не изображается ради статического запечатления в художественном слове. Для романтиков это основа действия сюжета, роковая сила, которая влечет за собой ряд событий, приводящих к решению конфликта или к его созданию. Поэтому история становится образным средством воплощения идеи произведения. Как справедливо указывает В. Ю. Троицкий, «действительность изображается в свете романтического идеала» [9, с. 192]. Как правило, конфликт носит типический характер. В романе «Вадим» пугачевский бунт связан с идеей возмездия главного героя за причиненное в прошлом зло и лишения в настоящем.

Важно также и понимание юным писателем ужаса произошедших событий. Приблизительно в одно время с Пушкиным у Лермонтова возник интерес к пугачевскому бунту. Юный писатель смог прочувствовать и показать трагические события XVIII века, как и следовало истинно русскому человеку. Да и «могли ли эти испытания, междоусобицы... пройти... (по словам Ильина) в русской душе бесследно?» [3, с. 194].

Лермонтов, рисуя одну из первых вспышек пугачевского восстания, дает точные философские и художественно осмысленные характеристики: «Что-то ужасное созревало под этой веселостью, подстрекаемой своеволием, возбужденной новыми пришельцами, уже привычными к кровавым зрелищам и грабежу свободному...» [5, с. 197] Читатель видит Россию бунтующую, наполненную ненавистью. Вместе с тем одновременно с героями, сделавшими выбор в пользу междоусобицы, мы встречаем и тех, кто не готов чинить расправу, а наоборот, следует принципам взаимопомощи. Именно о таких чувствах, как сострадание, и об ощущении единства друг с другом как о первостепенных чувствах в восприятии России исторической говорит Ильин в своей лекции, особо подчеркивая «живое братство народов...» [3, с. 191], её населяющих. Примечательно в этой связи то, что среди тех, кто остался верен христианским принципам взаимопомощи, на страницах романа фигурируют и люди не из дворянского сословия (Федосей и др.).

Логика рассуждений философа основана на твердом убеждении в том, что любые частные перипетии не могут оставаться не замеченными в судьбе России, а именно в ее будущем. Ссылаясь на балладу А. К. Толстого «Чужое горе», Ильин справедливо замечает, что прошлое – неотъемлемая часть будущего. Синкретизм этих двух философских понятий выражается, по мнению Ильина, в народной душе, носящей в себе «в виде ран, соблазнов и искушений» [Там же, с. 195] минувшее, в котором рождается последующая судьба России. Следы предыдущих испытаний в истории страны должны не просто зарубцеваться, а полностью исчезнуть путем очищения: «Россия нуждалась и нуждается в великом духовном очищении» [Там же, с. 196]. Очищение не только от многочисленных войн, нанесших раны физические, но и от разлагающей философии вольтерьянства, нигилизма [Там же].

По словам Ильина, нигилизм, байронизм и вольтерьянство породили духовную пропасть в русском обществе, направив Россию по ложному пути культивирования в человеке страстей, создания западного человекобога. Это замечание важно относительно романа Лермонтова, так как именно здесь впервые в прозе писателя формируется лермонтовский герой-богоборец. Россия, погружающаяся в регрессивную богоборческую философию Запада, стала диссонировать с первоначальной, истинной своей природой духа. Эта мысль косвенно проведена в романе по аналогии с тем, как образ Вадима контрастирует с образом природы, которая в романе представлена самодостаточной величиной, олицетворяющей собою и образ России в целом.

Но герой байронического типа, нигилистического характера – неотъемлемая часть России времен Лермонтова. Нельзя оставлять данный образ без внимания в аспекте рассуждений Ильина относительно России.

Говоря о духовном очищении [Там же], философ останавливается на идее пророческого суда, который звучит в стихотворениях Державина, а в дальнейшем и Лермонтова. Пророческий дух не синонимичен образу Вадима, так как, в первую очередь, это духовное начало самого поэта. Вадим же, думая о будущем суде над обидчиком его семьи, движим лишь собственными эгоистичными желаниями, не гнушаясь использовать родную сестру в достижении цели.

Для понимания истинной генетики характера Вадима важно учесть суждения Ильина о природе нигилизма в российских условиях. Философ отмечает: «И вот, в первой половине XIX века русская интеллигенция научилась у Вольтера *нигилистической улыбке*, а у Байрона *богоборческой позе*» [Там же, с. 201]. Доминирующим понятием в характеристике Родины указанного периода становится «ирония». Это ирония, которая утверждает «*черный угол своей души*» [Там же]. Мы видим, что иронически снисходительно относится к людям и Вадим. Это чувство, подкрепленное ненавистью, приобретает у него оттенки кощунства.

С одной стороны, главный герой выполнен в канонических традициях романтической литературы: внешний облик, богоборческая поза, идея мести. С другой стороны, это первое прозаическое произведение Лермонтова, которое основано на самостоятельном жизненном и поэтическом опыте. Поэтому так важен комментарий Ильина, приведшего в пример стихотворение «Мой демон», предшествовавшее написанию неоконченного романа. Безусловно, до лермонтовского демона этот образ возникал в русской литературе. Но философ видит в стихотворении Лермонтова и самобытные черты, где злой дух становится основополагающим и воплощает не просто образ человека, а одну из его сторон – «черный угол»: «...это угол духовно-осужденного и отвергнутого, но не сдавшегося... а, напротив, с вызовом самоутверждающегося инстинкта, желающего вопреки всему провести и оправдать свои жизненные вожелания» [Там же, с. 202].

Слова Ильина как нельзя лучше характеризуют образ главного героя первого прозаического опыта Лермонтова. Таким образом, соотнеся суждения русского философа, касающиеся состояния России, с образом главного героя лермонтовского романа, можно говорить о том, что Вадим отчасти олицетворяет и образ духовного состояния многих соотечественников, следовавших за модными тенденциями Запада.

Через призму рассуждений и умозаключений И. А. Ильина о русскости, народности, духовности можно увидеть и образ России в романе Лермонтова «Вадим». В романе есть истинная Россия с ее певучим языком, прекрасной природой, христианским милосердием, народным бунтом и нигилистической философией.

Список источников

1. Андроников И. Л. Лермонтов. М.: Сов. писатель, 1951. 320 с.
2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М. – Л.: Ин-т русской литературы АН СССР, 1955. Т. VII. 740 с.
3. Ильин И. А. Одинокий художник: статьи, речи, лекции. М.: Искусство, 1993. 348 с.
4. Киселёва И. А. Творчество Лермонтова как религиозно-философская система: монография. М.: МГОУ, 2011. 314 с.
5. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Худ. лит., 1976. Т. 4. Проза, письма. 542 с.
6. Мосалева Г. В. Лирика Лермонтова: поэтология молитвенного начала // Уральский филологический вестник. Русская классика: динамика художественных систем. 2015. № 3. С. 63-76.
7. Москвин Г. В. Начало прозы Лермонтова (к вопросу о датировке «Вадима») // Тарханский вестник. 2004. № 17. С. 82-92.
8. Петров С. М. Русский исторический роман XIX века. М.: Худ. лит., 1964. 438 с.
9. Троицкий В. Ю. Художественные открытия русской романтической прозы 20-30-х годов XIX в. М.: Наука, 1985. 279 с.
10. Уманская М. М. Лермонтов и романтизм его времени. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, 1971. 304 с.
11. Фёдоров А. В. Лермонтов и литература его времени. Л.: Худ. лит., 1967. 363 с.

**IMAGE OF RUSSIA IN M. YU. LERMONTOV'S NOVEL "VADIM"
IN THE CONTEXT OF I. A. ILYIN'S PHILOSOPHICAL REFLECTIONS**

Shevtsova Larisa Ivanovna, Doctor in Philology, Professor
Moscow Region State University
larisashev@mail.ru

Egorova Mariya Anatol'evna
"Erudite" School, Moscow
allogizm@gmail.com

The article reveals a view on M. Yu. Lermontov's novel "Vadim" in the context of I. A. Ilyin's philosophical reflections, whose works have become widespread in recent decades. The focus of attention is the image of Russia in the writer's unfinished youthful novel. Considering the image of Russia presupposes understanding the spiritual aspect of the national world perception, which I. A. Ilyin was able to express fully. Thus, the Russian philosopher's reflections on Russia, illustrated with the help of the Russian writers' texts, become the basis for understanding the narrative structure of the novel "Vadim". I. A. Ilyin's critical remarks also help to disclose more completely the characteristics of Lermontov's historical literary thought formation at the early stage of his creative development.

Key words and phrases: M. Lermontov; I. Ilyin; hero; image of Russia; novel; tradition.